

Покончив снаружи с крольчатинной, они вернулись в жилой фургон до того, как на землю окончательно опустилась ночная тьма.

Братец Кай зажег для них тусклый ночник. Тан Буфань порылся на полках и достал изрезанную временем, потрепанную тетрадь и простой карандаш.

Лу И к тому времени уже разложил прикрученное к стене складное сиденье. Тан Буфань устроился напротив, и они оказались друг против друга у крошечного столика.

— Китайское и нынешнее наречие — это совершенно разные языковые системы, — заговорил Тан Буфань. — Сегодня я научу тебя писать твоё имя и несколько простых слов. Завтра устроим небольшую проверку — посмотрим, насколько легко тебе дается язык.

Юноша серьезно кивнул. Поняв, что сидеть лицом к лицу неудобно для учебы, Тан Буфань кивнул на походный стул в кухонной зоне:

— Принеси-ка его сюда. Сядем с одной стороны, так будет проще.

Лу И послушно поднялся, притащил стул и пристроился рядом.

Столик, прикрученный к стене, оказался настолько тесным, что Лу И пришлось прижаться к учителю плечом. Ощувив чужое тепло, парень украдкой скользнул взглядом по лицу соседа. Но тот лишь молча склонился над тетрадью — никакой паники или вчерашней острой реакции.

"Значит, откровенный разговор все-таки пошел на пользу"

Лу И окончательно успокоился.

Тан Буфань взял карандаш. Вглядываясь в полумрак, он занес руку, чтобы вывести имя ученика, но пальцы предательски дрогнули. Он опешил. Лицо его стремительно побледнело. Стиснув зубы, Тан Буфань попытался унять дрожь, приложил усилие, однако пальцы его не слушались — кончик грифеля лишь беспомощно выбивал дробь по бумаге.

Лу И помрачнел. Только теперь он спохватился, сообразив, что напрочь забыл о недуге своего спутника.

Юный зверочеловек обеспокоенно заглянул учителю в лицо. Лицо Тан Буфана скрывала черная повязка, оставляя на виду лишь темные, глубокие глаза, но по ним и так все было понятно. Мужчина едва сдерживал слезы.

На пожелтевшем листе ложились кривые, рваные каракули — у него не получалось провести даже простую прямую черту.

Пытаясь исправить положение, Лу И осторожно накрыл ладонью обмотанные черной тканью пальцы Тан Буфаня, унимая дрожь.

— Я помогу.

Глубоко и судорожно вздохнув, Тан Буфань попытался высвободиться:

— Не надо.

— Я придержу. Вы просто ведите руку, а я буду следовать за вашими движениями...

— Да сказал же, не надо! — сорвался на крик Тан Буфань.

Разноцветные глаза юного зверочеловека изумленно расширились. Столкнувшись с чужой уязвимостью, переросшей в глухую злость, он молча отстранился.

Выплеснув гнев, Тан Буфань бессильно выронил карандаш. Грудь его тяжело и прерывисто вздымалась.

Внутри фургона повисла тяжелая, звенящая тишина.

Понемногу остывая, Тан Буфань уткнулся взглядом в колени.

— Похоже, учитель из меня все-таки никакой, — глухо проговорил он. — Мои руки больше не способны держать карандаш.

Он помедлил, борясь с подступившим к горлу чувством вины, и тихо добавил:

— Прости меня.

Глядя на поникшие плечи мужчины, ссутулившегося в полумраке, Лу И мягко, но настойчиво произнес:

— Не нужно учить меня писать. Достаточно будет просто разговаривать по-китайски, учитель.

"Он все еще зовет меня учителем... — Тан Буфань почувствовал, как к горлу подкатывает горький ком. — Разгадал-таки мою жалкую, отчаянную жажду снова почувствовать себя нужным"

— Скажи... — Тан Буфань не поднимал головы. — Я кажусь тебе сумасшедшим? Каким-то

ненормальным?

— Нет, — искренне покачал головой юноша.

— Раньше я не был таким, — у Тан Буфаня запершило в горле. Мягкость Лу И ранила сильнее упреков — на ее фоне собственная бессильная ярость казалась еще уродливее. — Я любил детей. Никогда не кричал на учеников в классе, даже если они сильно проказничали... Всегда мечтал стать таким же мудрым и терпеливым, как мой собственный наставник. А сейчас... во что я превратился?

Он поднял на парня воспаленные, покрасневшие глаза:

— Прости, что сорвался на тебя.

— Все в порядке, учитель, — Лу И посмотрел на него долгим, понимающим взглядом. — Если бы я лишился ног и больше не мог бегать, я бы вел себя точно так же.

Юноша опустил взгляд на его руки. Пальцы Тан Буфаня — тонкие, сухие, обтянутые кожей — были плотно замотаны черной тканью, но даже эта импровизированная фиксация не могла унять непрекращающуюся мелкую дрожь.

— Когда мы добудем антидот, все пройдет. Ваши руки снова станут прежними, — твердо, с глубокой убежденностью произнес Лу И. — Вы ведь сами учили меня сегодня на закате: нельзя вешать нос. Нужно надеяться на лучшее.

Тан Буфань ошеломленно замер, чувствуя, как слова парня теплой волной отзываются в груди.

— Не понимаю я тебя, — выдохнул он.

— О чем вы? — искренне удивился Лу И.

— Зачем ты возишься со мной? — Сердце Тан Буфаня сжалось от стыда. Себя он сейчас видел лишь жалким, озлобленным калекой, заикленным на собственных обидах.

Парень понимающе улыбнулся. Он отвел взгляд, на мгновение задумавшись, а затем снова посмотрел на учителя с мягкой, обезоруживающей улыбкой:

— Если вам так спокойнее, считайте меня просто чудаком, который обожает совать нос в чужие беды.

У Тан Буфаня перехватило дыхание.

"Чудак, который любит помогать... — Тан Буфань горько усмехнулся про себя. — До чего же докатился этот проклятый мир, если простое сострадание стало считаться признаком безумия"

И когда он сам успел превратиться в озлобленного сухаря, растерявшего остатки веры в человечество?

Он запрокинул голову, из последних сил стараясь не разрыдаться. Ведь встретить он этого мальчишку на пустошах года четыре назад, он бы ни секунды не сомневался — затормозил бы, обогрел, расспросил. А теперь только и думал, как бы поскорее выставить его за дверь.

— Ну и ну... — Тан Буфань шумно выпустил воздух сквозь зубы, чувствуя, как внутри отпускает ледяной зажим. — Хорош учитель, ничего не скажешь. Позволил какому-то мальчишке себя утешать.

— Вообще-то я давно не ребенок, — смущенно пробормотал Лу И, почесав затылок.

Тан Буфань резко, наотмашь похлопал себя по щекам.

— Твоя правда. Нечего раскисать, — решительно произнес он, проглатывая подступивший к горлу ком. — Не получается писать — обойдемся без этого. Начнем с разговорного.

Парень удивился такой мгновенной перемене, но тут же расплылся в улыбке и кивнул:

— Идет.

Они принялись за разговорную речь. Но китайская фонетика никак не давалась Лу И: он то безбожно коверкал звуки, то, заучивая новые фразы, напрочь забывал старые. Немного подумав, Тан Буфань решил зайти с другой стороны — через музыку.

— Туань-цзе-э цзю-ши ли-ля-ан! — затянул Тан Буфань, утомительно согнув руку и демонстрируя тощий бицепс. — Туань-цзе-э цзю-ши ли-ля-ан!

— Ли-лян — это железо! — Он звучно хлопнул ладонью по железной перегородке.

— Ли-лян — это сталь! — И щелкнул по стальному шпингалету на окне.

— Тверже железа, крепче стали!

Глядя на поющего и пританцовывающего учителя, Лу И окончательно убедился: этот человек раньше преподавал в начальных классах.

Парень невольно улыбнулся. От этого истощенного, похожего на скелет мужчины сейчас исходила такая мощная, бьющая ключом жизненная сила, что это казалось почти невероятным.

— Чего зубы скалишь? А ну-ка, повторяй за мной!

— Дуаньцзе цзюши люйюйля-а-ан...

— Отлично!

— Дуаньцзе цзюши люйюйля-а-ан...

— Прекрасно, ты ухватил суть!

— Чжэ люйюйлян ши... тянь!

— Ха-ха-ха! — Тан Буфань не выдержал и покатился со смеху, согнувшись пополам.

Видя, как весело учитель потешается над его произношением, Лу И и сам заулыбался, слегка покраснев от смущения.

В тот вечер они засиделись допоздна. Лу И привычно расстелил свой матрас на полу, а Тан Буфань, все еще борясь с внутренним содроганием, осторожно улегся на скрипучую железную койку.

Проснулся он на рассвете, когда небо едва начало сереть. Кошмары снова терзали его всю ночь, но на этот раз обошлось — подробностей в памяти не осталось. С трудом баюкая раскалывающуюся голову, Тан Буфань побрел в кабину и тяжело опустился в кресло водителя.

На лобовом стекле высветился привычный отчет Братца Кая о техническом состоянии фургона. В самом конце система, как обычно, запустила ночную запись с камер наблюдения. Тан Буфань посмотрел на экран и замер: в крошечной тьме два звериных глаза, золотой и зеленый, не мигая, гипнотизировали его спящую фигуру на кровати.

Тан Буфань со стоном зажмурился и поспешно выключил видео.

— Голова болит? — раздался тихий голос.

Лу И подошел ближе, неся тарелку с мелко нарезанным тушеным мясом песчанки и небольшую кружку чистой воды.

— Я тут... в общем, запустил вчера фильтр, — парень замялся, его щеки заметно порозовели. — Использовал накопительную емкость для... ну, для мочи. Просто у вас вчера губы до крови трескались, когда вы смеялись. Вам нужно пить больше жидкости.

Тан Буфань все понял без лишних слов. Он молча принял кружку и в несколько жадных глотков осушил ее до дна.

Лу И, не ожидавший такой обезоруживающей простоты, ошарашенно застыл. Смущение его, казалось, только усилилось.

— Спасибо, — Тан Буфань вернул пустую кружку и мягко улыбнулся, глядя на его замешательство. — Не бери в голову. Космонавты на орбите только такую воду и пьют. Обычная регенерация.

Лу И отвел глаза, избегая прямого взгляда, и поспешно устроился на пассажирском сиденье.

Тан Буфань принялся за мясо. Каждый жевательный спазм отдавался в висках тупой, пульсирующей болью. Он невольно поморщился.

— Давайте сегодня я поведу, — предложил Лу И, заметив его мучения. — Вы совсем бледный.

— Не нужно, сам справлюсь, — отрезал Тан Буфань.

Вчерашний душевный разговор действительно сократил дистанцию между ними, но делиться контролем над фургоном он по-прежнему не собирался. Это был его единственный залог выживания.

Спорить Лу И не стал. Тан Буфань быстро покончил с завтраком, завел двигатель, и фургон тронулся с места.

Изначально Лу И рассчитывал добраться до поселка токсичных людей за трое суток. Однако износ аккумуляторов и солнечных батарей фургона оказался куда серьезнее, чем виделось со стороны. Из-за того что двигаться удавалось всего по два-три часа в день, дорога растянулась на все пять суток.

Пять так пять, выбирать не приходилось. Тан Буфаню отчаянно требовался антидот — утренняя головная боль с каждым днем становилась все невыносимее.

Они двигались короткими перебежками, часто делая вынужденные привалы. Опустевший было холодильник Лу И постепенно забил под завязку добытым на охоте мясом пустынной дичи. Тан Буфань с удивлением поймал себя на мысли, что проблема голода перед ними больше не стоит.

Но если с едой вопрос решился, то чистая вода оставалась роскошью. Лишь на четвертые сутки Лу И посчастливилось наткнуться на скопление влаги у корней усохшего дерева.

Парень тут же бросился назад к машине, чтобы поделиться находкой. Воодушевленный Тан Буфань направил фургон к указанному месту. Перед ними действительно раскинулась мутная лужа чуть больше метра в ширину.

Жижа в яме выглядела отвратительно — буро-желтая, илистая, разившая болотной гнилью, но Тан Буфаню было плевать.

— Скорее! Тащи стеклянную бутылку, а я возьму кружки! — азартно скомандовал он, бросаясь в салон за посудой.

Уже через полминуты оба сидели на корточках у грязной ямы, бережно вычерпывая влагу большими кружками.

— А насоса в машине нет? — поинтересовался Лу И, сливая мутную жижу в широкое горлышко бутылки.

— Был когда-то, да накрылся еще год назад. Только шланги и остались, — вздохнул Тан Буфань. Не будь эта вода отравлена тяжелыми токсинами, он бы, не раздумывая, припал к луже губами.

— И где он теперь?

— Выкинул. Зачем лишний хлам возить? Каждый килограмм на счету, только батарею зря сажать.

— Жаль, — искренне огорчился Лу И. — Если бы оставили, я бы мог попробовать его перебрать.

Тан Буфань удивленно вскинул голову:

— Разбираешься в технике?

— Да, — кивнул Лу И. Курс прикладной механики входил в обязательную программу Академии командиров. Будущие офицеры должны были уметь реанимировать любое оборудование в полевых условиях, окажись они один на один с враждебной средой.

Тан Буфань окинул его скептическим взглядом:

— Тебе же всего семнадцать. Я в твои годы разве что лампочки вкручивать умел.

— Ну... умение менять лампочки — тоже полезный навык, — кривя душой, подбодрил его Лу И.

— Да брось ты, нашел за что хвалить, — беззлобно фыркнул Тан Буфань. Ноги затекли, и он без церемоний уселся прямо на сухую землю у края ямы, продолжая мерно работать кружкой.

Широкие штанины Тан Буфаня задрались, обнажив костлявые, пугающе худые голени. Кожа на них казалась пергаментной, обтягивающей сухие суставы. Глядя на эту изможденную фигуру, Лу И ощутил, как к горлу подкатывает тяжелый, горький ком сострадания.

Сам же Тан Буфань, увлеченно вычерпывая мутную жижу, ничего не замечал, полностью погруженный в работу.

Тем временем Тан Буфань наконец-то отвел душу — осушил сразу две большие кружки чистой, отфильтрованной воды. Расплата за блаженство наступила глубокой ночью. Захотев по нужде, сонный Тан Буфань побрел к туалету и, ничего не соображая спросонья, наступил прямо на лежащего на полу Лу И.

Лу И, мирно спавший на своем тюфяке, лишь безмолвно замер.

"А он чертовски легкий"

Пронеслось в голове у парня.

Сделав свои дела, учитель двинулся в обратный путь. Лу И лежал тихо, стараясь не шевелиться, чтобы ненароком не напугать сонного мужчину. Но он никак не ожидал, что Тан Буфань на обратном пути снова промахнется и сослепу наступит ему...

Лу И мгновенно подобрался, каменея всем телом.

Лишь когда Тан Буфань благополучно взобрался на свою койку и его дыхание выровнялось, парень, пылая лицом, со стоном перевернулся на бок и скрючился, сунув руку под одеяло к пострадавшему паху.

Наутро Тан Буфань ожидаемо ничего не помнил. Он снова сидел за рулем с несчастным видом, страдальчески зажав виски ладонями.

Лу И, подавая ему завтрак, изо всех сил старался скрыть неловкость. Благо, учитель ничего не помнил — иначе сгореть бы им обоим от стыда.

Около полудня на горизонте наконец показался пункт назначения.

Поселок токсичных людей оказался совсем крошечным. Глинобитные желтые постройки, укрытые плотной пеленой песчаной пыли, дрожали и плавились в мареве знойного полудня, больше напоминая зыбкий мираж.

<http://bllate.org/book/19039/1916172>